

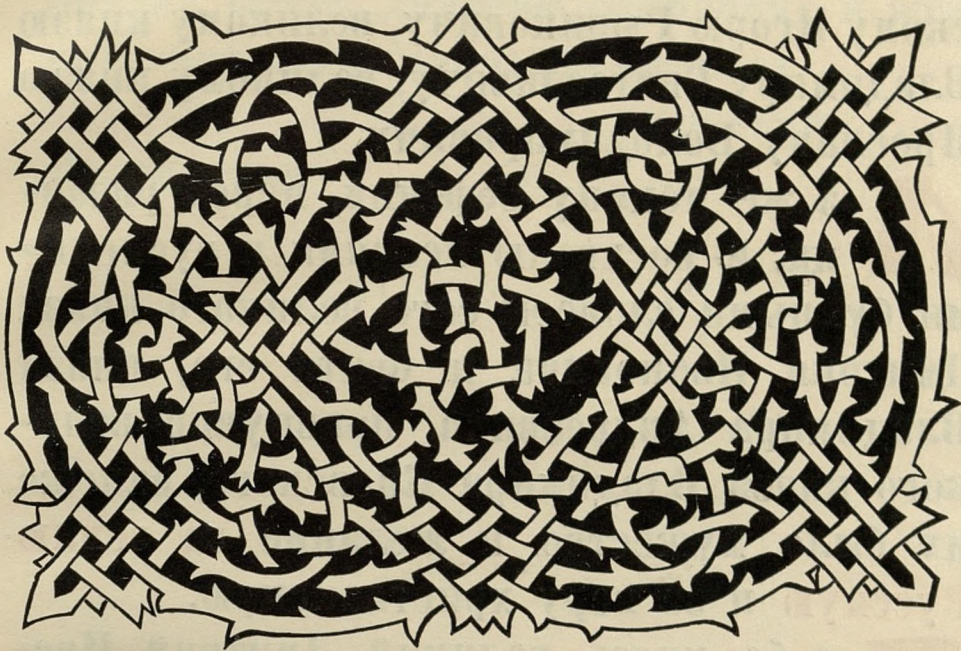
ЗАДОНЩИНА

LIBRARY
OF THE
RUSSIAN
EMPEROR
MUSEUM
AND
GALLERY
ST. PETERSBURG

СЛОВО
О ВЕЛИКОМ КНАЗЕ
ДИМИТРИИ ИВАНОВИЧЕ
И О БРАТЕ ЕГО
КНАЗЕ
ВЛАДИМИРЕ АНДРЕЕВИЧЕ,
АКО ПОБЕДИЛИ
СЪПОСТАТА СВОЕГО
ЦАРА
ШАША

утче бо нам, братия, начати поведати иным словесы о похвальных о нынешних повестях о полку великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, правнуков святого князя Владимира Киевского, начати поведати по делом и по былинам.

Но проразимся мыслию над землями, помянем первых лет времена, похвалим вещего Бояна, горазда гудца в Киеве. Той бо вещей Боян воскладаше вещи свои персты на живые струны и пояше русским князем славу. Первому князю Киев-

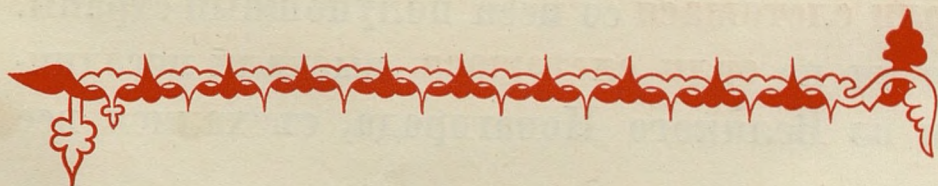
скому Игорю Рюриковичу, великому князю Владимиру Святославичу, великому князю Ярославу Володимировичу.

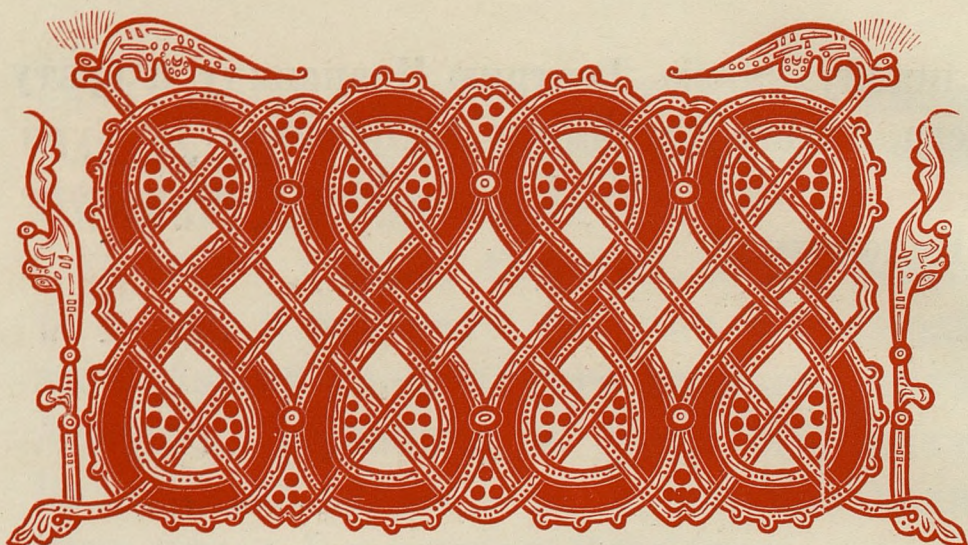
Аз же помяну Софония, иерея рязанца, и восхваляю песнями и гуслеными буйными словесы сего великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, правнуков великого князя Владимира Киевского, занеже их было мужество и желание **за землю Русскую** и за веру христианскую.

Се бо князь великий Дмитрий Иванович и брат его князь Владимир Андреевич, помоляся богу и пречистой его матери, **истягнувше ум свой крепостью, поостриша сердца свои мужеством и наполнишася ратного духа,** оставиша себе храбрые полки в Русской земле и помянуша прадеда своего, великого князя Владимира Киевского.

Жаворонок птица, красных дней утех! **Взыди под синие небеса,** посмотри к сильному граду Москве, **воспой** славу ве-

ликому князю Дмитрию Ивановичу и брату
его, князю Владимиру Андреевичу. **Не буря
соколы занесе из земли Залеския в поле
Половецкое!**

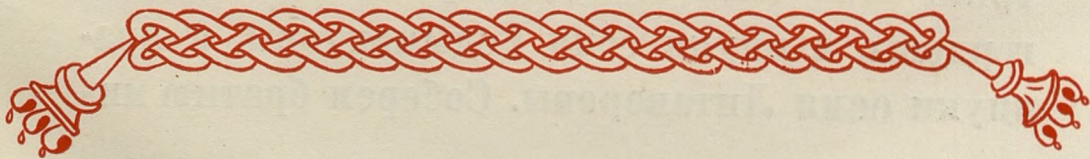

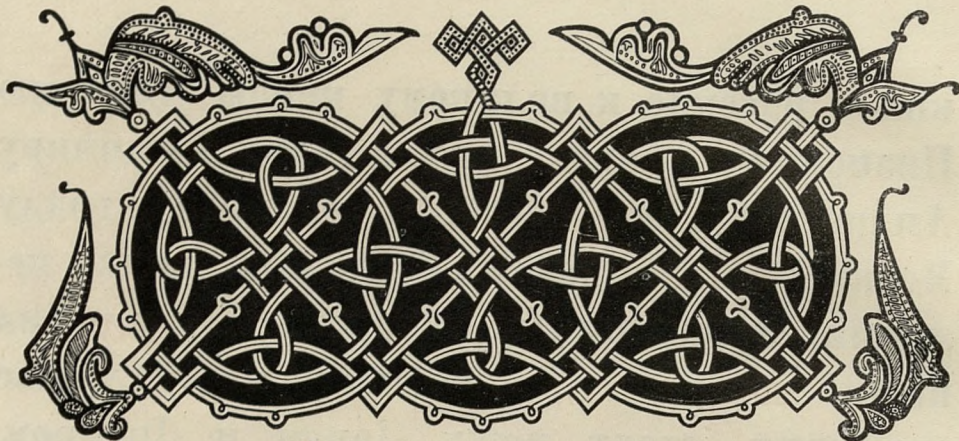

Кони ржут на Москве, звенит слава по всей земле Русской! Бубны бьют на Коломне, **трубы трубят** в Серпухове, чудно **стоят стязи у Дону великого**. Пашутся хоругови берчаты, светятся калантыри злачены. Звонят колоколы вечные в Великом Новгороде, стоят мужи новгородцы у святой Софии, **аркучи** такову жалобу: „Уже нам, братия, не поспети на пособь великому князю“. И как слово изговаривают, уже аки **орли слетошася** со всея полунощныя страны. То ти не **орли слетошася**, выехали посадники из Великого Новагорода, съехалися все

князи русские к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу, на посолье к славному граду Москве, **аркучи** тако: „Господине, князь великий! Уже поганые татарове **на поля** на наши **наступают**, а вотчину нашу у нас отнимают, стоят между Доном и Днепром. И мы, господине, поидем за быструю **реку Дон**, укушим землям диво, старым повесть, а молодым память, а плеч своих испытаем, а **реку Дон** кровью прольем **за землю Русскую** и за веру христианскую“.

И рече им князь великий Дмитрий Иванович: „**Братия** и князи русские! гнездо есмя великого князя Владимира Киевского, **не в обиде есмя были порождены ни соколу, ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, поганому сему Мамаю**“.

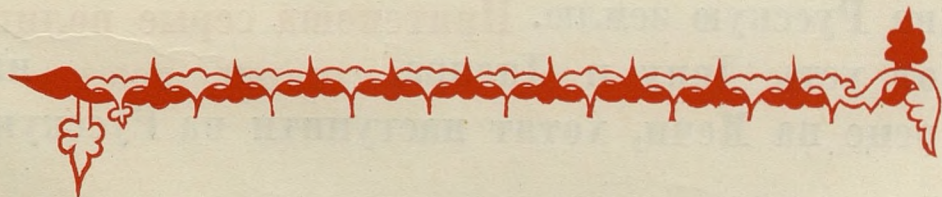

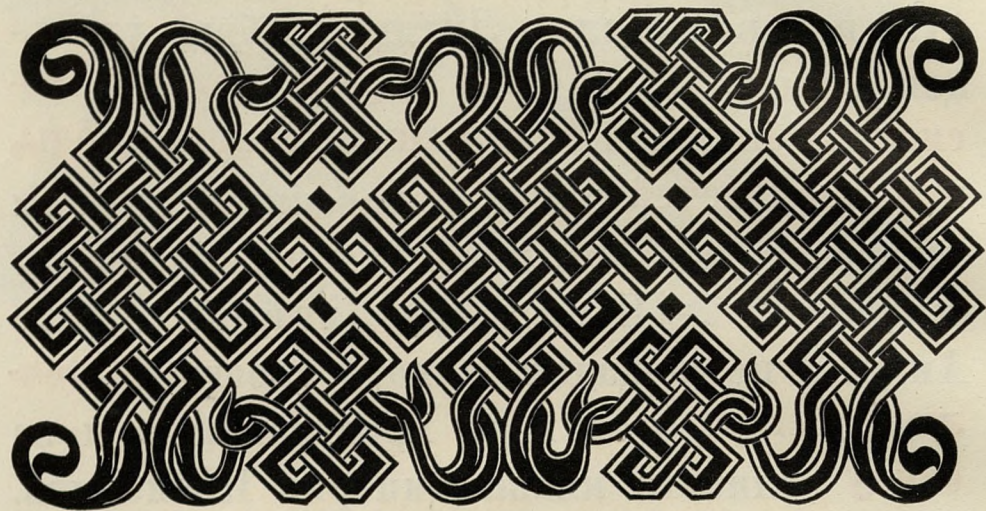

Q

 соловей, летняя птица! **Чтобы**
еси выщекотала славу земли Ли-
 товской дву братом Ольгердови-
 чам — Андрею Полоцкому и брату
 его, Дмитрию Брянскому, да Дми-
 трию Волынцу. Те бо суть сынове
 храбрые, **кречеты** в ратном времени, ведоми
 полеводцы: **под трубами повиты, под шело-**
мы взлелеяны, конец кония вскормлены, с
каленных стрел вспоены в Литовской земле.
 Молвяше Андрей своему брату: „Брате Дми-
 трий, **сама есмя себе два брата,** сынове Оль-
 гердовы, а внуки есмя Гедымонтовы, а пра-
 внуки есмя Литаворовы. Соберем братию ми-

лую, пановой удалыя Литвы, храбрых удальцов, сами **сядем на свои борзые комони, посмотрим быстрого Дону, испием шеломом воды, испытаем мечей** своих литовских о шелома татарские, **а сулиц** немецких о бойданы берсерменские“.— И рече ему Дмитрий: „Брате Андрей! не пощадим живота своего **за землю Русскую** и за веру христианскую и за **обиду** великого князя Дмитрия Ивановича. Уже бо, брате, стук стучит и **гром гремит** в каменном граде Москве. То ти, брате, не стук стучит **ни гром гремит**, стучит сильная рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремят удальцы русские **злаченными доспехи** и **червленными щиты**. Седлай, брате Андрей, **свои борзые комони, а мои готовы, напреди твоих оседланы**. Выедем, брате, в чистое поле, посмотрим своих полков“.

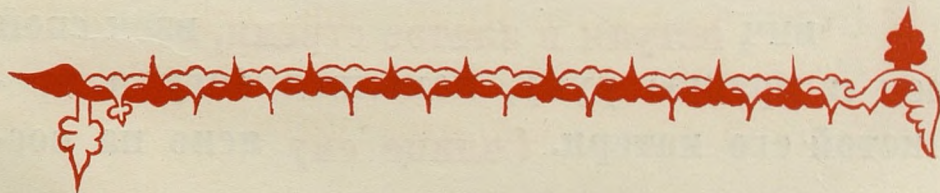
У же бо возвеша сильные ветры с моря, приледеяша великие тучи на усть Дону и Днепра, на Русскую землю, из них выступиша кровавые зори, а в них трепещут синии молнии. Быти стуку и грому великому межи Доном и Днепром, пасти трупу человеческому на поле Куликове, пролиться крови на речке Непрядве.

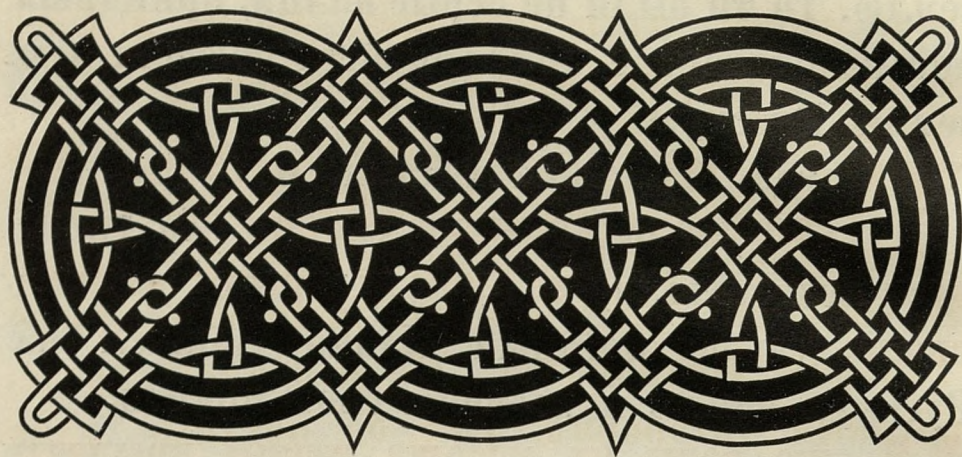
Ч же бо воскрители телеги татарские межи Доном и Днепром, идет хинова на Русскую землю. Притекоша серые волци от усть Дону и Днепра, ставши, воют на реце на Мечи, хотят наступити на Русскую

землю. То ти были не серые волци, приидоша поганые татарове, хотят пройти воюючи всю землю Русскую.

Тогда гуси возгоготали, и лебеди всплескали крылами своими. То ти не гуси возгоготали, не лебеди крылы восплескали, се бо поганый Мамай пришел на Русскую землю и воеводы своя привел.

Чже беды их пасоша птицы крылаты под облакы, вороны часто грают, а галицы своею речью говорят, орлы восклекчут, волци грозно воют, лисицы на кости брешут. О Русская земля! Теперь бо еси за соломянем побывала!

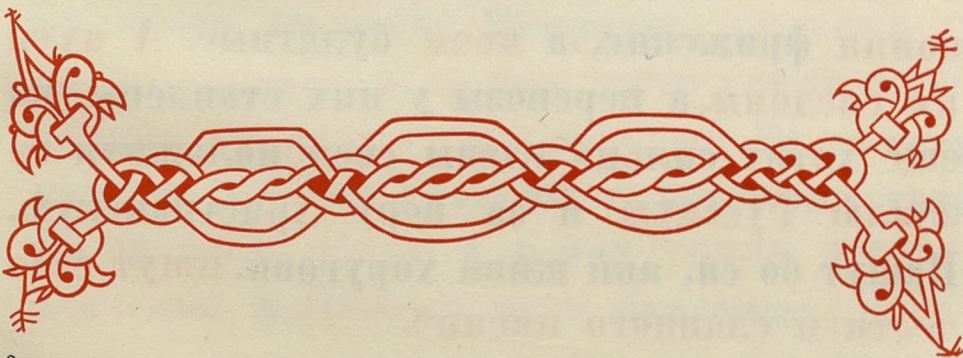

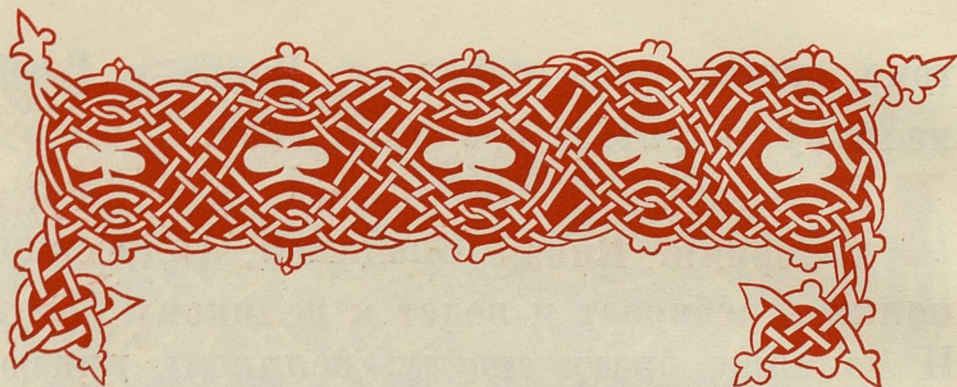
А уже **соколы и кречеты** и белозерские ястребы рвахуся от золотых колодиц из камня града Москвы, обрываху шелковые **опутины**, возвеваючися под синие небеса, возгремеша злаченными колокола на быстром Дону, хотят **ударити** на многие **стада гусиные и лебединые**, а богатыри русские хотят ударити на великие силы поганого царя Мамайя.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович **вступи в золотое стремя**, взял свой меч в правую руку, помолился богу и пречистой его матери. **Солнце ему** ясно на вос-

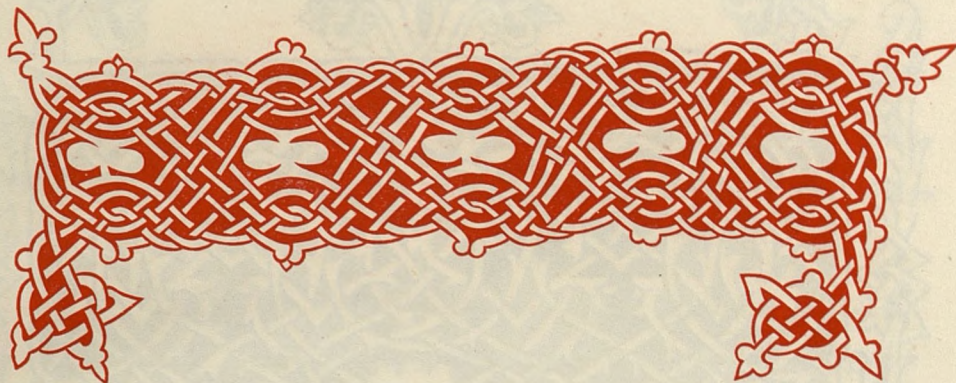
тоще сияет, путь поведает. Борис и Глеб молитву творят за сродники своя.

Ито шумит, что гремит рано перед зорями! Князь Владимир Андреевич полки перебирает и ведет к великому Дону. И молвяше брату своему, великому князю Дмитрию Ивановичу: „Не ослабляй, брате, поганым татаровям, уже бо поганые поля наступают“.

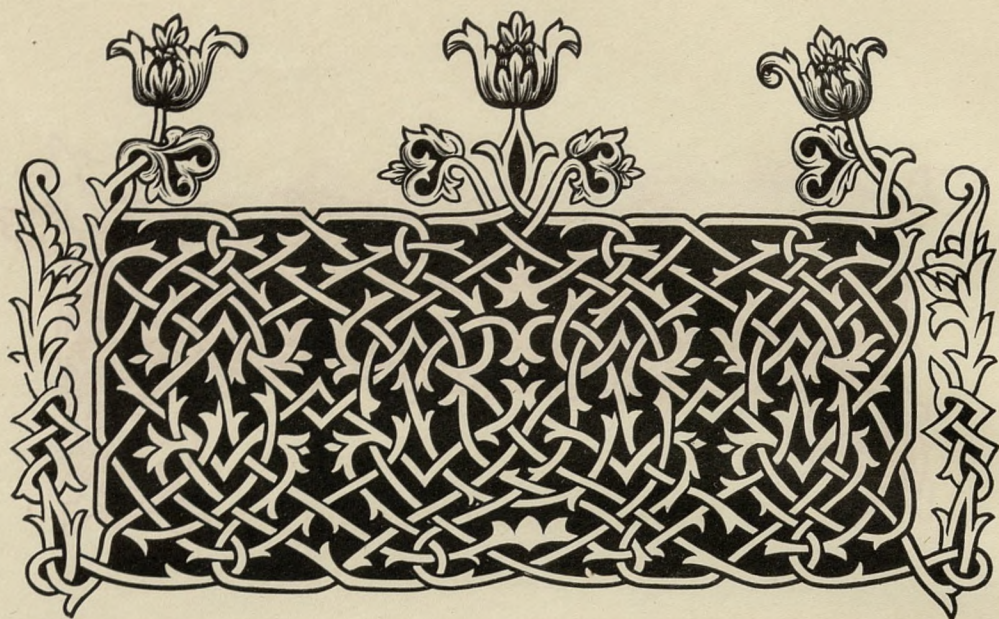

В рече князь великий Дмитрий Иванович: „Брате, князь Владимир Андреевич! **Сами есмя два брата,** а правнуки великого князя Владимира Киевского. Воеводы у нас уставлены крепкие, **а дружина сведома,** имеют под собою **борзые комони** а на себе **злаченые доспехи, шеломы черкасские,** а **щиты московские,** а **сулицы немецкие,** а **копия фряжские,** а **мечи булатные.** А **пути им сведомы,** а перевозки у них ставлены, но еще хотят сильно главы своя положити **за землю Русскую** и за веру христианскую. Пашут бо ся, аки живи хоругови, **ищут себе чести и славного имени“.**

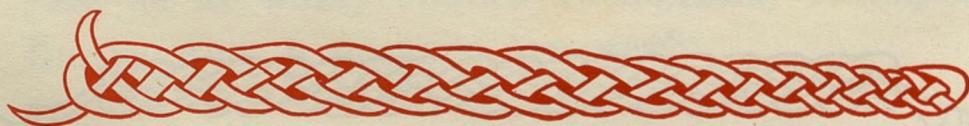
Уже бо соколы и кречеты, белозерские ястребы борзо за Дон перелетели и ударилися на многие стада гусиные и лебединые. И наехали русские сынове на сильную рать татарскую. Удариша копы харалужными о доспехи татарские. Возгремели мечи булатные о шеломах хиновские на поле Куликове, на речке Непрядве. Сильнии тучи сступишася, а из них часто сияли синии молнии, гремели громы велицыи. То ти сступишася русские удальцы с погаными татарами за свою обиду, а у них сияли доспехи злаченые, а гремели мечи булатные.

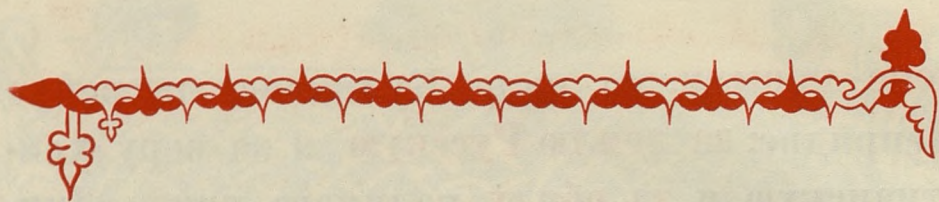

Пересвета чернеца, брянского боярина, на суженое место привели. И рече Пересвет чернец: „Лутче бы нам потятым быти, нежели плененым от поганых татар“. Тако Пересвет поскакивает на своем борзом коне, свистом поля перегороди, а златым доспехом посвечивает. И рече: „Добро бы, брате, стару помолодети, а молодому чести добыти, плеч своих испытати!“— Молвяше Ослябя чернец своему брату Пересвету: „Брате Пересвете, вижу на теле твоём раны великие, летети голове твоей на траву ковыль, а чаду моему Иякову лежати на зе-

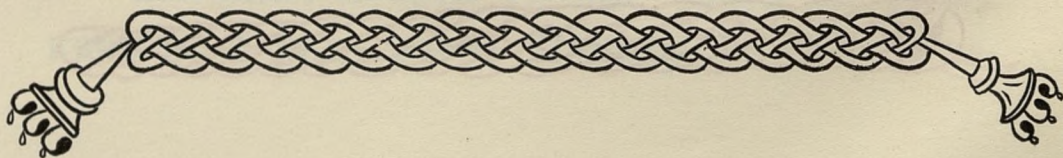
лене ковыли, на поле Куликове, на речке Непрядве, **за землю Русскую** и за веру христианскую и **за обиду** великого князя Дмитрия Ивановича“.

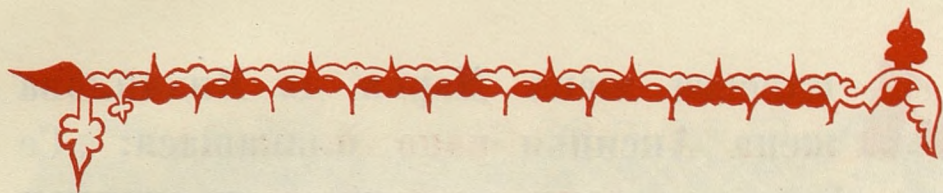
Не турове **возревели** на поле Куликове, **возревели** князи русские, бояре и воеводы великого князя Дмитрия Ивановича, **побиты** и **посечены** от поганых татар.

В то же время по Рязанской земле, около Дону, ни ратаи ни пастухи не кличут, но едины вороны грают, зегзицы кокуют, трупы человеческого чаючи. Грозно и жалостно в то время баше видети, занеже трава кровию полита бысть, а дреса тую к земли приклонишася.

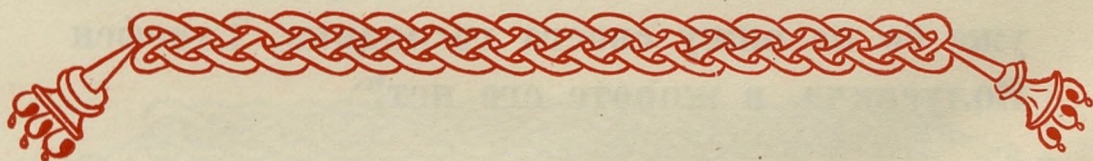

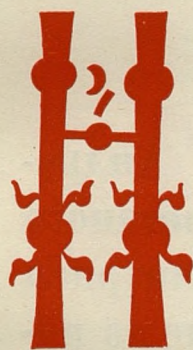
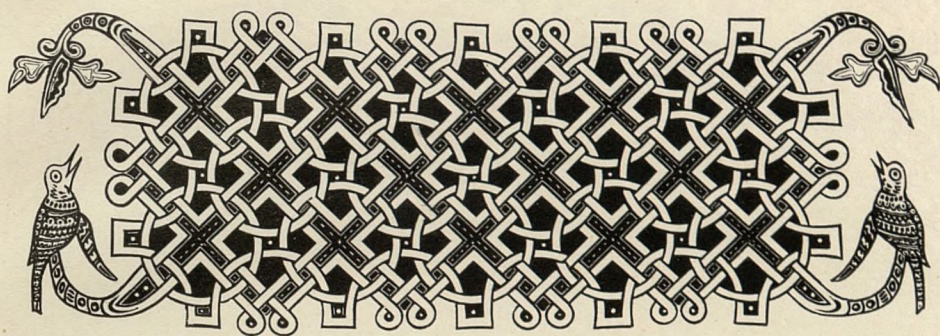
оспели бѣше птицы жалостныя песни, **восплакашася** горько княгини и боярыни и воеводскіе жены о избіенныхъ. Микулина жена Васильевича Марья **рано плакаше** у Москвы града **на заборолехъ, аркучи** тако: „Доне, Доне, быстрая река! прорыла еси каменные горы, течеша въ землю Половецкую, приледей моего господина ко мнѣ, Микулу Васильевича!“

Тимофеева жена Волуевича Федосья тако же плакашася, **аркучи** тако: „**Уже веселие мое пониче** въ славномъ граде Москвѣ, уже бо не вижу своего господина, Тимофея Волуевича, въ животѣ его нѣтъ!“

Андреева жена Марья да Михайлова жена Аксинья рано плакашася: „Се уже обема нам **солнце померкло** в славном граде Москве. Припахнули к нам от быстрого Дона поломяные вести, носяще великую беду: **сседоша русские удальцы с борзых коней на суженое место на поле Куликове!**“

Ч же, братия, **Диво кличет** под саблями татарскими, а те русские богатыри **под ранами.**

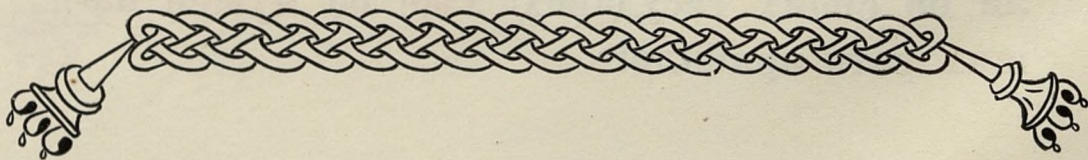

е щурове рано воспели жалост-
 ные песни, восплакалися жены ко-
 ломенские у Коломны града **на за-**
боролех о избивенных, смотрячи на
 быструю реку, на славную Москву,
арвучи тако: „Москва, Москва, бы-
 страя река! **чему еси залелеяла мужей на-**
ших от нас **в землю Половецкую! Можешь**
ли, господине князь великий, **веслы Днепр**
запрудити, а Дон шеломы вычерпати. Замкни,
 государь, **Оке ворота,** чтобы потом поганые
 татарове к нам не бывали, а нас **не квели-**
ли по своим государех! **Уже бо мужей на-**
ших рать прибило!“

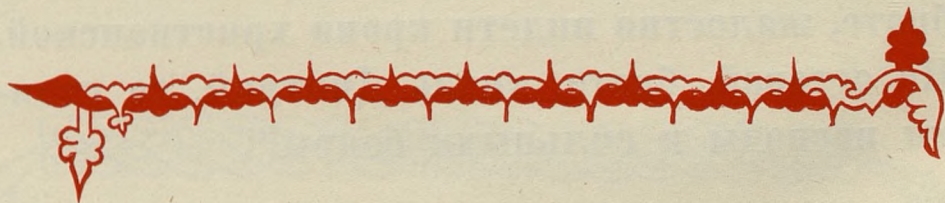
Укнув князь Владимир Андреевич с правые руки на поганого Мамайя со своим князем Дмитрием Волынским, гораздо скакаше по рати поганых татар, своим борзым конем поездаючи, золотым шоломом посвечаючи. Гремят мечи булатные о шоломы хиновские.

И восхвалит брата своего: „Брате, князь Дмитрий Волынский! Ты еси железное забороло у зла тошна времени! Не оставай со своими полки, понуждай коромольщиков! Уже бо поганые татаровя **поля наши наступают**, а храбрую дружину у нас истеряли, а в трупу человекъи борзы кони не могут скочити, в крови по колено бродят. Уже бо, брате, жалостно видети крови христианской. Не оставай, брате, князь Дмитрий, со своими воеводы и сильными бояры!“

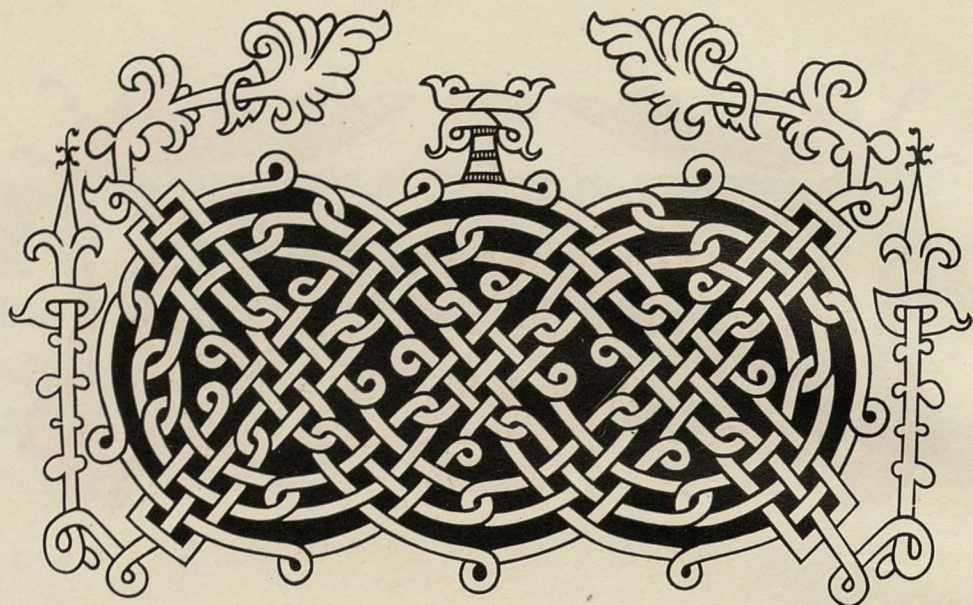
И рече князь Дмитрий своим воеводам и сильным боярам: „Братия, бояры и воеводы! **То ти не ваши** московские **сладкие меды** и великие места! Туто добудете себе места и своим женам! Туто, братия, **стару помолодети, а молодому чести добыти!**“

Тогда **аки соколи** борзо полетели. **Посказывает** Дмитрий со своими полки и со своею силою. И рече: „Брате, князь Владимир Андреевич, **туто испити медвяна чара** поведеная! Ударим, брате, своими полки сильными на рать татар поганых!“

Тогда князь Владимир Андреевич почал наступати. **Гремят мечи булатные** о **шеломы хиновские**. Поганые покрыва главы своя руками своими. Тогда поганые борзо вспаить отступиша. **Стязи** режут, поганые бежат, **русские сынове поля широкие** кликом огородиша и **злаченными доспехи** осветиша. **Уже бо вста тур на боронь!**

Терна земля под копыты костьми
 была посеяна, кровью поляна.
 Сильные полки сступишася в место,
 притопташа холмы и луги, возму-
 тиша реки и озера. Кликнуло Ди-
 во в Русской земле, велит послу-
 шати разным землям. Шибла слава к морю,
 к Железным вратам, ко Орначи, к Кафе, отто-
 ле к Царюграду на похвалу: Русь одолела
 рать татарскую на поле Куликове!

Тогда князь Дмитрий Волынский и
 князь Владимир Андреевич полки по-
 ганных вспять поворотили и начаша их
 бити и сечи гораздо, **тоску** им подаваше.

И князи их с коней спадоша. Трупы татарскими поля насеяша, а кровью их реки протекли.

Туто поганые разлучишася розно, побегоша неуготованными дорогами в лукоморье, скрегчуще зубы своими, дерущи лица своя, аркучи: „Уже нам, братия, в земле своей не бывати, а детей своих не видати, а катунь своих не трепати, а целовати нам зелена мурава, а на Русь ратию не ходити, а выхода нам у русских князей не прашивати. Уже восстонала земля татарская, бедами и тугою покрывшася. Уже веселие наше пониче, уже русские сынове разграбиша узорочья наша, и доспехи, и кони, и волы, и верблюды, и вина, и сахар, и дорогое узорочье — камки и насычи. Уже жены русские восплескаша нашим златом!“

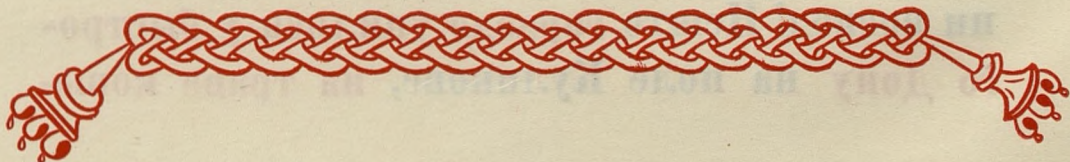

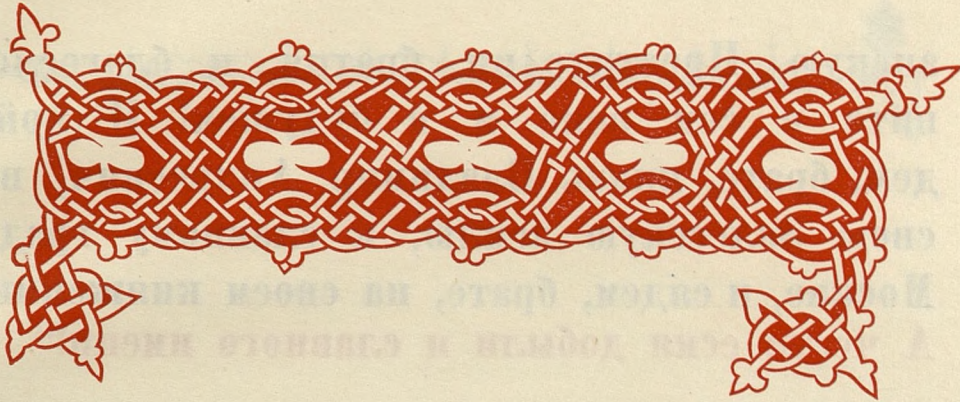
Уже бо по Русской земле простре-
ся веселие и буйство и вознесся
слава русская над поганых хулю.
Уже вержено Диво на землю, уже
грозы великого князя по всей зем-
ле текут. Стреляй, князь великий,
с своею храброю дружиною поганого Мама
хиновина за землю Русскую, за веру хри-
стианскую! Уже поганые оружия своя повер-
гоша, а главы своя подклониша под мечи
русские. Трубы их не трубят, уныша гласи их!

Отскочи поганый Мамай от сво-
 ея дружины **серым волком** и при-
 тече к Кафе граду. Молвяше же
 ему фрязове: „Чему ты, поганый
 Мамай, посягаешь на Русскую зем-
 лю? То ты била орда Залесская, а
 не бывать тебе в Батые царя. И ты пришел
 на Русскую землю, царь Мамай, со многими
 силами, с девятью ордами и семьдесятью кня-
 зьми, а ныне бежишь сам девят в луко-
 морье. В поле нешто тебя князи русские
 гораздо потчивали: ни князей с тобою нет,
 ни воевод! Нешто **гораздо упилися у быстро-**
го Дону на поле Куликове, на траве **ковы-**

ли. Побежи ты, поганый Мамай, от нас, позаденет и нам от земли Русской! Уподобился еси малому младенцу у матери своей“.

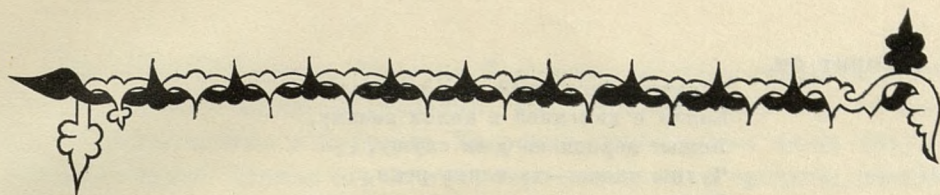

Стал великий князь Дмитрий Иванович со своим братом, с князем Владимиром Андреевичем, и своими воеводами на костях. Грозно бо и жалостно, братия, в то время посмотрети: лежат трупы христианские аки сенные стоги. А Дон река три дня кровью текла.

И рече князь великий Дмитрий Иванович: „Братия, бояра и князи и дети боярские! То вам **сужено место** межи Доном и Днепром, на поле Куликове, на речке Непрядве. Положили есте головы своя **за землю Русскую** и за веру христи-

анскую. Простите мя, братия, и благословите в сем веце и в будущем! И пойдём, брате, князь Владимир Андреевич, во свою Залесскую землю, к славному граду Москве, и сядем, брате, на своем княжении. **А чести есмя добыли и славного имени!**“

В 1947 году наступит 800-летний юбилей столицы нашего отечества, Москвы. Маленький когда-то деревянный городок удачно занял середину между Волгой и Окой. Находясь на хорошей судоходной реке, он служил прекрасным передаточным местом для товарного обмена по этим двум крупным торговым путям. Москва быстро богатела. Из небольшого, красиво раскинутого по холмам селенья к половине XIV века она выросла в значительный торговый город. Много способствовали ее возвеличению правящие князья, отличавшиеся большой хозяйственностью и практической сметкой.

На Московском княжении утвердилось потомство славного народного героя Александра Ярославича Невского. Его военные способности, умение ладить с соседями и с завоевателями-татарами передались талантливым внукам и правнукам. Но еще важнее то, что все это гнездо Александра Невского горячо любило родную землю.

С татарским завоеванием для всей Руси наступило тяжелое время. Жадные сборщики дани, „баскаки“, немилосердно выколачивали ее с жителей для хана да и для себя тоже. Нередко татары, без всякой причины, делали губительные набеги на города и села, уводили „полов“, грабили, жгли, убивали.

Народ запомнил в своих песнях это „томление и муку“, как выражались древние писатели.

Татарский хан, поется в них, угрожает полным разгромом.

Я, говорит он,

Сильных богатырей под меч склоню,
Князя с княгиней в полон возьму,
Божьи церкви на дым спущу,
Чудны иконы—по плавь реки,
Добрых молодцев полоною станицами,
Красных девушек пленицами,
Добрых коней табунами...¹

Вслед за грозными требованиями сейчас же выступает несметная рать:

Нагнано тут силы татарския,
Что мать сыра-земля колеблется,
Колеблется земля, погибается,
В пару-дыму лошадином
Днем не видно красного солнышка,
Ночью светлого месяца...

Князь, желавший получить титул „великого князя“, обязан был ехать на поклон в Орду за „ярлыком“, униженно подносить дары хану, задабривать жадных вельмож татарских. Московские князья действовали в Орде умнее остальных, дипломатичней, старались сохранять достоинство. Поэтому „ярлык“ на великое княжение чаще всего доставался им.

Во второй половине XIV века в Москве княжил молодой Дмитрий Иванович, внук Ивана Даниловича, прозванного „Калитой“ — мешком с деньгами, — прозванного так за умелое приумножение государственной казны. Внук Александра Ярославича, Калита, показал себя политиком весьма тонким. Еще более талантливым оказался Дмитрий, которого народ назвал „Донским“ за славную победу над татарами.

Небольшое Московское княжество окружали другие самостоятельные владения, князья которых нередко бывали старше по возрасту, считались родовитее Дмитрия. Но молодой князь умной политикой, когда нужно — искренним миролюбием, когда — военной силой, сумел поставить себя между ними первым среди равных. Многие удельные князья начали даже присоединять свои владения к Москве, а сами с дружиной шли туда на службу. Кругом Дмитрия начинала собираться мало-помалу „дума“ — советники, служилые „князья-бояре“.

Так к Дмитрию Донскому пришли братья заклятого врага Москвы Ягайла Литовского — Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, князья Полоцкий и Брянский. Пришел еще опытный полководец Дмитрий Михайлович Боброков, князь Волынский, или „Волынец“, он во многом помог Дмитрию на полях сражений.

¹ Станицами — толпами; пленицами — в оковах.

На короткую жизнь Дмитрия Донского, он умер тридцати девяти лет, выпало много потрясений. По Русской земле пронеслась чума; соперничество с крупным Тверским княжеством из-за титула „великого князя“ стоило огромного напряжения, сил и средств; дважды к Москве подходил Ольгерд Литовский. Он сжег Москву, но не смог взять Кремля: предусмотрительный Дмитрий превратил его из деревянного в неприступную белокаменную крепость.

Жизнь Дмитрия Ивановича протекла в непрерывных заботах о родине, походах, войнах, — к этому принуждали исторические обстоятельства. Великий князь Московский глубоко страдал от унижительного татарского ига. Его заветным желанием являлось стремление увидеть Русскую землю свободной. Он понимал, что вся сила в единстве, лелеял мечту о собрании родной земли в единое централизованное государство под управлением Москвы.

У Дмитрия был тесть, суздальский князь Дмитрий Константинович. Сидел он в Новгороде Нижнем. С его владениями соседнили мелкие племена, главным образом, финского происхождения, подвластные татарам. Недоразумения вспыхивали постоянно, и великий князь Дмитрий всегда шел на помощь тестю, хорошо понимая, как за это точат зубы на него татарские ханы.

В 1379 году на Нижегородское княжество обрушилось бедствие. Татарский временщик Мамай, в следующем году ставший ханом, желая наказать Дмитрия Константиновича, выслал против него огромное войско под начальством Бегича. Дмитрий Московский немедленно вышел на помощь. На берегу реки Вожи произошла битва, кончившаяся полным татарским разгромом.

Победа над врагом, дотоле считавшимся непобедимым, открыла русское мужество. Татар можно бить! — так думали все, думал и великий князь, уверенный, что татары будут готовить отместку.

Мамай расевирепел на самом деле, начал отовсюду набирать силу, чтобы жестоко покарать Москву, вышедшую из повиновения. Хан поднял всю Орду, все подвластные ему народности, принял живших в Крыму геноуэцев, заключил союз с Ягайлом Литовским, князем Олегом Рязанским. Огромное войско перешло нижнюю Волгу, дошло до реки Воронежа, вступило в рязанские пределы.

Дмитрий приготовился встретить опасного врага. Он обратился за помощью ко всем князьям Русской земли. И вот произошло знаменательное событие: вся земля, как один человек, встала под знамена великого князя Московского. Не было ни одного уклонившегося. Собралась сила тысяч до двухсот. По тогдашнему времени такое войско считалось громадным. Все же оно не могло сравниться с двитавшимися на него полчищами.

Блестя золочеными шлемами, сверкая переливами кованых доспехов, как вешняя вода при ветре, русское соединенное воинство расположилось боевым строем на Куликовом поле, при впадении в Дон речки Непрядвы.

Стояла золотая, теплая осень. Утро восьмого сентября 1380 года было туманным, днем засияло солнце. Пользуясь мгlistым предраcсветным покровом, русские на левом фланге скрыли засадный полк в густой дубраве. Полком командовали двоюродный брат Дмитрия, князь Владимир Андреевич Серпуховской и Дмитрий Михайлович Боброков Волынец.

Весь день длилось великое побоище. К полудню татары сильно потеснили русских. Атака генуэзцев на фронт не удалась, тогда враги навалились на левый фланг, стали его обходить, не замечая наблюдавшей за ними засады. Выждав удобное время, скрытые в дубраве воины вылетели на врагов, как соколы на стада журавлиные.

Это был торжественный и решающий момент боя. „Русь нас перехитрила!“—кричали татары.— „Слабые с нами бились, а сильнейшие укрывались!“—Вся орда дрогнула, в панике ударилась в бегство, бросив лагерь со всеми припасами. Мамай еле ускакал с „четырьмя татарами“ своей свиты. Русские преследовали жалкие остатки разбитого войска.

Торжество объединенной земли оказалось полным. Славная Куликовская победа разогнала над Русью печальные тучи. Какая разница с прошлым! Полтораcта лет назад произошла несчастная битва на реке Калке. Вскоре после нее перестала существовать мощная, богатая Киевская Русь, превращенная татарами в пустыню. Велед за ней остальная Русская земля стала данницей татарской. Передовые люди того времени хорошо понимали причину разгрома: князья ослабели от междоусобных браней. „Это—мое и то мое же!“—любили говорить они, выступая походами друг на друга, отворяя тем ворота кочевникам в свою землю.

Напрасно один из величайших поэтов русских, автор „Слова о полку Игоревом“, призывал князей покончить междоусобицы. В уста одного из героев своей знаменитой поэмы, великого князя Святослава, вложил он „Золотое слово“—горячий призыв оставить свары, действовать единодушно. Только тогда родина освободится от наседающих кочевников-соседей, когда русские знамена перестанут развеваться в разные стороны, когда согласно запоют копыя! При Владимире Мономахе прекратились было княжеские раздоры. Что же вышло? Враги только при имени этого князя трепетали. Но человек не вечен, нельзя его, говорит поэт „Слова о полку Игоревом“, при-

гвоздить к горам Киевским навеки! А потом?.. Снова русские полки стали „то Рюриковы, то Давыдовы...“

Но пламенный зов благородного патриота-поэта прозвучал в пустыне. Даже в роковую битву на Калке князья не подумали действовать единодушно, из-за соперничества начали биться на свой страх и риск. Их порознь и разбили татары: „поникла трава от жалости, а деревья с печалью к земле приклонились“, скажем словами поэта.

Полтора ста лет длилась эта „жалость“, полтора ста лет Русская земля „сидела невеселой“. Но вот просияла Куликовская победа. Она была одержана благодаря единению князей между собою. Стало быть, правым оказывался великий автор „Слова о полку Игоревом“, так страстно звавший князей прекратить „кѡторы“—междоусобные войны.

Автор „Слова“ наполнил свою поэму музыкальным звучанием. Она полна у него звона, шума, пенья. „Что мне шумит, что мне звенит перед зарею?“—спрашивает он. Это Игорь свои полки поворачивает. Русские слышат, как жены половецкие звенят золотом, отнятым у русских. Радуюсь возвращению Игоря из плена, „девицы поют на Дунае, вьются их голоса через море до Киева“...

И вот в конце концов звон игоревой песни „довился“ до московских пределов и вызвал в ответ одно из интереснейших произведений древней русской литературы—„Задонщину“, написанную Софронией-старцем (то есть монахом), рязанцем. Есть указание, что он происходил из бояр брянских.

„Задонщина“—небольшая поэма, написанная по плану первой части „Слова о полку Игоревом“, сохраняющая множество его слов, оборотов, образов, часто повторяющая полностью целые фразы¹. Так же, как „Слово“, она не излагает событие последовательно, а рисует его в виде рассчитанных на впечатление отдельных картин.

Долгое время на этот памятник не обращали должного внимания. Считали его неумелой подделкой под „Слово о полку Игоревом“. Говорили, что, живя в другую эпоху, автор многого не понимал уже в „Слове“, дал бледный, неинтересный сколок, не выдержал стиля, тона, упустил идею. Поэтому о „Задонщине“ упоминали вскользь, писали кратко, часто вовсе обходили молчанием.

Между тем „Задонщина“—памятник самостоятельный, выполненный талантливо, интересно. Автор глубоко понял основную идею „Слова о полку Игоревом“ и намеренно создал произведение, перекликающееся по замыслу и по форме с великой поэмой XII века.

¹ „Задонщина“ никогда не издавалась для широкого круга читателей. Текст настоящего издания появляется впервые.

Глубоко патриотический призыв автора „Слова“ к единению, уверенность, что только это единение даст могущество и величие родной земле, нашли полное подтверждение в „Задонщине“.

Два столетия русские люди помнили завет великого поэта-патриота, и когда в конце XIV века Русская земля выступила объединенными силами на Кулибовом поле, враг был разбит наголову, бежал с позором.

Повторяя образы „Слова“, говоря часто теми же словами, Софония как бы напоминал читателям об историческом опыте прошлого, обобщенном в великой патриотической поэме. Он посвящал свое произведение создателю великой поэмы, доказав всю справедливость его „Золотого слова“. Появилось произведение новое, равнозначное по идее прежнему, но говорящее уже не о „жалости“, а о „весельи“ Русской земли.

Чтобы яснее показать эту связь между „Словом о полку Игореве“ и „Задонщиной“, все места, являющиеся общими для обеих поэм, выделяются в настоящем издании красной краской.

С. ШАМБИНАГО

ПРИМЕЧАНИЯ

„Задонщина“ как произведение рязанца Софонии до нас целиком не дошла. Сохранилась только первая ее половина (кончая плачем жен по убитым) в рукописи XV века да разрозненные отрывки, вставленные в другое произведение. Это другое произведение — большая повесть о Куликовской битве, называемое „Сказание о Мамаевом побоище“. Ее автор пользовался многими местами из „Задонщины“ как украшающим средством. Отрывки эти относятся к XV—XVII векам.

Некоторое время спустя после написания „Задонщины“ она была каким-то автором немного переделана¹. (Прибавлено вступление, внесены некоторые изменения в заключение.) В этом виде произведение дошло до нас полностью в трех, известных до сих пор, рукописных списках XVI—XVII веков.

Все эти списки, однако, преисполнены ошибок. Вероятно, переписчики работали наспех, относились к делу небрежно, невнимательно. Бесчисленные ошибки, опiski столь вредят чтению, что понять памятник без сличения всех текстов невозможно.

Однако такого сличения почти не производилось. Впервые это сделано в настоящем издании. Для восстановления текста приняты во внимание не только три полных списка, но все решительно отрывки, находящиеся в „Сказании“, и рукописи, содержащие неполные тексты.

При сличении списков оказалось, что рукописные ошибки, опiski, недоразумения переписчиков исправляются легко, текст становится вполне читаемым, понятным. Никаких личных привнесений в напечатанный текст не сделано: перед читателями целостно предстает в высшей степени интересная поэма

¹ Переделыватель сам во вступлении упоминает о Софонии, которого собираются помянуть так же, как автор „Задонщины“ упоминает о Бояне.

русского средневековья, литературные достоинства которой изложены в заключительной статье.

Текст памятника дается в принятой теперь орфографии, язык не изменен. Он близок к современному, встречающиеся непонятные слова, обороты объяснены ниже.

Для удобства читателей приводится родословная князей Московских—славного гнезда Александра Невского:

Ярослав, сын Всеволода III, великого князя Владимирского.

Александр Невский (ум. 1263 г.)

Даниил, князь Московский (ум. 1303 г.)

Иван „Калита“ (ум. 1340 г.)

Иван „Кроткий“ (ум. 1359 г.)

Дмитрий „Донской“ (1350—1389 г.)

Василий (ум. 1435 г.)

Василий „Темный“ (ум. 1462 г.)

Иван III (ум. 1505 г.)

Василий III, „Князь всея Руси“ (ум. 1534 г.)

Иван, царь, „Грозный“ (1530—1584 г.)

Начало, после не имеющего прямого отношения к поэме вступления, где Дмитрий, на пиру у Микулы Васильевича, приглашает князей-бояр встать за Русскую землю, взято буквально из „Слова“, начинающегося теми же словами. Автор Задонщины говорит: „похвалим вешего Бояна, горазда гудца в Киеве“. Он припоминает здесь „вешего Бояна“ в „Слове“.

Полк — кроме обычного термина значило: боевой поход. *Проразимся мыслию* — мысленно пронесемся. *Гораздый* — искусный. *Иерей* — священник. *Занеже* — потому что.

Истегнувшие ум — настроив свой разум. *Соколы* — соколов.

Стязи — стяги, знамена. *Берчатый* — название неизвестной дорогой материи. *Калантырь* — панцырь без рукавов. *Аркучи* — причитая. *Аки* — словно. *Укупим* — доставим (на удивление всем).

Выщекотала — пение соловья зовется „щекот“. *Комони* — кони, в этой форме постоянно встречаются в „Слове о полку Игоревом“. *Сулицы* — тип холодного оружия. *Бойданы* — часть воинских доспехов; вероятно, вид панцыря. *Червленный* — красного цвета. *Напреди* — впереди, раньше, уже.

Прилелеяша — пригнали. *Пасоша птицы* — (беда, то есть тяжелая, грядущая участь татар) разогнала птиц. *Галицы* — галки. *Брежут* — лают. *Соломянем* — вместо „шеломянем“: шеломя — похожее на шлем высокое место, курган, на котором стояла пограничная стража, в песнях — „заства богатырская“.

Колодицы — приспособление, на котором сидел сокол перед пуском его на птицу. *Опутины* — связки на ногах сокола, чтобы он не взлетал раньше срока. *Не ослабляй* — крепче принимай (татарский натиск).

Фряжские — западноевропейской работы. *Сведома* — опытная; *пути сведомы* — дороги известны. *Хоругови* — знамена.

Борзо — стремительно. *Харалужный* — несущий гибель.

Перед тем, когда Дмитрий Донской собрался выступить на битву, он поехал к игумену Сергию в основанный последним Троицкий монастырь; Сергей благословил князя, дал ему двух иноков-богатырей, *Пересвета* и *Ослябю*. Пересвет начал битву единоборством с татарским богатырем. Оба погибли. Ослябя остался жив, но потерял в битве сына своего, *Якова Ослебятина*.

Суженое место — где будет происходить „суд“, решаться участь, здесь — поле боя. *Потятым быти* — быть изрубленным. *Ковыль* — степной злак. *Турове* — туры, вымершие в XV веке дикие быки, водившиеся на русском юго-западе.

Ратаи — пахари. *Зогзицы* — кукушки. *Чаячи* — ожидая, предчувствуя.

Плачут жены: тысяцкого Микулы Васильевича и командиров крупных частей — Тимофея Валусева, Андрея Серкизова, Михаила Саларева. Их имена известны по документальным источникам. *Забороло* — оборона, зубцы на стенах городской ограды. *Прилелей* — пригони ко мне на своих волнах. *Пониче* — поникла, кончилась.

Припахнули поломяные вести — донеслись потрясающие известия. *Диво* — образ, взятый из „Слова о полку Игоревом“: мифологическое чудище, символ в „Слове“ враждебной силы; здесь — дружелюбной.

По воинам плачут „жены коломенские“ потому, что последний смотр выступавшего против татар русского войска происходил под Коломной; вместе с тем их плач символизирует скорбь обо всех русских бойцах, выступивших на бой. *Залелеяла* — угнала на волнах прочь. *Не квелили* — не заставляли плакать, печалиться.

Нукнув — понудил. *Гораздо* — искусно.

У зла тошна времени — при злых, тяжких временах. *Не оставай* — не ослабевай. *Коромольщикова* — здесь в смысле людей „колеблющихся, трусливых“. *Истеряли* — побили. *Не ваши сладкие меда* — здесь битва сравнена с пиром: тут также пьют, но не так, как на пирах в Москве. *Великие места* — указание на „местничество“, когда на пирах размещались по знатности происхождения. *Тутю добудете себе места* — здесь станете знамениты (также взято из местничества).

Тутю испити медзяна чара — продолжается сопоставление боя с пиром. *Поведеная* — та, которую передают гостям по старшинству на пиру. *Вспять* — назад, обратно. *На боронь* — на оборону.

Железные ворота — ущелье на реке Дунае. *Орнач*, *Кафа* (теперь Феодосия) — крымские города. *Лукоморье* — морская излучина, залив. *Катунь* — жена. *Трепати* — ласкать. *Выход* — дань. *Пониче* — поникло, кончилось. *Узорочье* — все, что составляет дорогой товар из тканей; некоторые восточные ткани здесь названы: „ка м ка“, „на с ы ч и“. *Восплескаша* — налюбовались, наигрались.

Хула — поражение, позор. *Повергоша* — побросали. *Гласи* — голоса.

Фрязове — общее название для западноевропейских народов: фряги. *Орда Залесская* — синоним: „северо-восточная Русь“. *Сам девят* — всего-то осталось восемь человек, да ты девятый. *В поле тебя нешто потчивали* — продолжающееся сравнение боя с пиром: разве тебя не потчевали на брачном поле. *Позаденет* — достанется. *В сем веце* — в этом веке, при жизни.

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Редактор Н. В. Водовозов.

Оформление и художественная
редакция художника
Н. В. Ильина.

Технический редактор А. Макеев.

Сдано в набор 6/III 46 г.
Подписано в печать 21/I 47 г.
Тираж 3000. А 15505. Бумага 62×94¹/₈.
Печатных листов 6. Уч.-ав. 1,15.

Печать под наблюдением
Н. Блюмина и Г. Панкратова.

6-я типография треста «Полиграфкинига»
ОГИЗа
при Совете Министров СССР.
Москва, 1-й Самотечный, 17.
Заказ 383.

1947